

© 1996 г.

А.В. ДМИТРИЕВ, Е.И. СТЕПАНОВ, А.Н. ЧУМИКОВ*

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ В 1995 ГОДУ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА (ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ)

Общая оценка ситуации

Исходным основанием для общей оценки ситуации выступает то, что российское общество продолжает переживать переходный период - нестабильный исторический процесс, в ходе которого происходит его трансформация из тоталитарного состояния в демократическое. Соответственно этому конфликтологический экспертный анализ призван показать, что способствует развитию общества в этом направлении, что препятствует его успешному осуществлению, какие конфликтные очаги возникают в процессе перехода на каждом его этапе.

Наряду с этой аналитической задачей, перед конфликтологическим анализом стоит не менее важная технологическая, управленческая задача: определить, как быстрее выйти из социально-политического и социально-экономического кризиса; как ввести сопровождающие этот кризис конфликтные противоборства в рамки определенных правил, придающих им рациональность и прогнозируемость; какие использовать при этом социальные технологии, помогающие свести негативные последствия конфликтных "разборок" к минимуму.

Координаторы проекта.

Первый выпуск опубликован в журнале "Социологические исследования" (1995. № 2). В подготовке второго выпуска "экспертизы" приняли участие: - представители академической науки: академик РАН д-р юрид. наук **В.Н. Кудрявцев** (Президиум РАН); чл.-кор. РАН д-р филос. наук **А.В. Дмитриев** (Отделение философии, социологии, психологии и права РАН); канд. филос. наук **А.В. Кинбургский, Е.И. Степанов, А.Н. Чумиков, Л.М. Романски, П.И. Куканков, В.И. Тайдаков** (Институт социологии РАН); д-ра филос. наук **Ж.Т. Тощенко, В.В. Серебрянников, В.О. Рукавишников** (Институт социально-политических исследований РАН); д-р психол. наук **П.Н. Шхирев**; канд. психол. наук **А.Л. Журавлев, В.А. (оспн): В.П. Позняков** (Институт психологии РАН); канд. юрид. наук **В.В. Смирнов, В.А. Леванский** (Институт государства и права РАН); д-ра ист. наук **В.А. Тишков, М.Н. Губогло**, канд. ист. наук **В.К. Малькова** (Институт этнологии и антропологии РАН); канд. экон. наук **А.В. Авилова** (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); д-р ист. наук **И.С. Яжборовская** (Институт сравнительной политологии РАН); - эксперты из других исследовательских институтов, представители вузовской науки: канд. филос. наук **Л.И. Никовская** (Государственная академия управления); **В.И. Самарин, В.И. Тепечин, О.М. Хлобустов** (Академия ФСБ); канд. ист. наук **А.В. Рябов** (Российский независимый институт социальных и национальных проблем); канд. филос. наук **В.Н. Шаленко** и **В.А. Панырина** (Московский государственный университет); канд. филос. наук **А.В. Глухова** (Воронежский государственный университет); канд. филос. наук **Ю.С. Коноплин** (Московский авиационный институт); - представители аналитических центров и заинтересованных организаций: канд. социол. наук **В.А. Губернаторов** (Торгово-промышленная палата РФ); канд. юрид. наук **Н.Ю. Беляева** (Международный благотворительный фонд политико-правовых исследований "Иптерлигал"); канд. полит. наук **М.А. Мельников** (Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ); **В.А. Сычев** (Ассоциация политических экспертов и консультантов).

При подготовке экспертизы использованы материалы Центра конфликтологических исследований Института социологии РАН, Российской ассоциации политической науки, Службы изучения общественного мнения "Vox populi", социологической службы "Кассандра", Российского национального центра международной организации. "Партнеры за демократические перемены".

Первый экспертный анализ констатировал определенный авторитарный сдвиг, происшедший в стране в результате событий октября 1993 г. и создавший перекос в балансе властных отношений и структур в пользу исполнительной власти, которая получила исключительное право осуществлять политику, базирующуюся главным образом на ее собственном понимании ситуации и интересах.

Эксперты признали тогда, что в принципе такой сдвиг в определенных пределах и на определенный период может иметь оправдание, о котором неоднократно говорили многие ведущие идеологи и политики из президентского лагеря. Но только - в смысле развязывания рук исполнительной власти для более быстрого, широкого и решительного осуществления демократического реформирования общества. И при обязательном условии сознательного и целенаправленного внедрения в складывающуюся систему политических взаимоотношений и институтов действенного корректирующего механизма, способного позитивно влиять на снижение остроты уже существующих социально-политических, экономических и иных конфликтов, а также на предупреждение их деструктивного развития и укрепление на этой основе общественной стабильности и национальной безопасности.

Важно поэтому хотя бы в самом общем виде оценить: происходит ли это в настоящее время на деле и действительно ли практика подтверждает, что авторитарными методами можно содействовать демократическим переменам, формированию гражданского общества, укреплению гражданского мира.

Приходится констатировать, что ничего подобного авторитарный сдвиг пока не дал. Больше того, он в немалой степени содействовал реализации худших опасений, что неконтролируемая и ни перед кем не отвечающая за свои действия исполнительная власть может избрать такой губительный для общества курс, который еще больше дестабилизирует и усложнит общественную ситуацию.

Наиболее явственное выражение этих опасений - чеченские события. Однако они - лишь частный случай общего неблагополучия и разлада, которые характерны для современного российского общества.

Общее неблагополучие проявляется прежде всего в том, что радикальные демократические реформы по-прежнему осуществляются крайне вяло, медленно и противоречиво. К тому же они не обеспечены какой-либо четкой долгосрочной или среднесрочной программой. Ни президентские структуры, ни правительство, ни парламент отчетливо не формулируют и не обосновывают, как и куда мы развиваемся, какие механизмы при этом действуют, какие способы поведения им соответствуют. Все предложенное обществу - это лишь декларации о демократии и рыночной экономике, сильно напоминающие попытку нового мифотворчества. В этой связи складывается стойкое впечатление, что политическая элита намеренно уходит от четкого выражения своих позиций и пытается эксплуатировать ценности демократии, справедливости, свободы, неотъемлемых человеческих прав и т.п., привлекательные для всех слоев населения, чтобы под их прикрытием реализовать свои достаточно узкие корпоративные интересы. Тем самым она содействует парадоксальному и вместе с тем естественному результату: для все более значительной части населения ценности демократических реформ превращаются в негативные символы.

Вследствие этого происходит усиление внутреннего общественного разлада, обусловленное ростом массового недовольства и связанной с ним социальной напряженности. Внимательный конфликтологический анализ показывает: несмотря на внешнее спокойствие и политическую апатию основной массы населения (которые легко можно принять за выражение того, что она смирилась со своей нынешней участью, адаптировалась к ней и готова признать сложившееся положение вещей, а потому можно ожидать определенной стабилизации общественной ситуации) в действительности российское общество все больше напоминает просыпающийся вулкан, температура разогрева магмы внутри которого постепенно приближается к "точке кипения", делая все более возможным внезапное и бурное извержение.

Речь идет прежде всего о стремительном нарастании латентной составляющей социальной напряженности, связанной с накоплением отрицательных эмоций населения по поводу таких процессов, как:

- углубляющийся разрыв между бесконтрольным влиянием тех, кто "приобщен" к власти, и бессилием в отстаивании своих интересов огромной массы людей, отчужденных от нее; между растущим богатством немногих и прогрессирующей бедностью большинства;

- надвигающаяся опасность резкого сокращения спроса на квалифицированный труд и наступления массовой безработицы, особенно тревожная на фоне острого кризиса в промышленном производстве, науке, культуре, образовании, здравоохранении;

- все более открыто и нагло действующая преступность при одновременном ослаблении правозащитных функций государства, коррумпированность сверху донизу самой государственной власти.

Острые переживания у основной массы населения вызывает утрата иллюзий и надежд на "приобщение" к собственности при виде того, как достояние, прежде считавшееся общенародным, все явственнее оказывается во владении узкого круга частных лиц. Естественно, это рождает не только разочарование, неудовлетворенность и раздражение, но и неприятие такого положения, сопровождаемое претензиями на более справедливое распределение собственности, на ее новый передел. Немалую лепту в усиление социальной напряженности вносят и повсеместно возникающие распри на почве национальных различий.

Нарастающие негативные переживания сопровождаются болезненным восприятием смены своего социального статуса, широким распространением пессимистических ожиданий ухудшения и без того тяжелого материального и бытового положения, нагнетанием страха перед надвигающейся нищетой (особенно у тех, кто близок к пенсионному возрасту), перед продолжающимся углублением и расширением межэтнических коллизий. И все это значительная (если не подавляющая) часть населения все определеннее ставит в вину существующему режиму и его наиболее видным представителям. Для большинства населения все острее встают вопросы о том, кто и почему распоряжается имеющимися у общества ресурсами; в чьих руках и на каком основании находится власть, позволяющая одним, в силу занимаемых ими социальных позиций, распоряжаться не только накопленным обществом достоянием, но и жизнью и деятельностью других; в какой мере можно и стоит ли все это терпеть.

Эти негативные переживания и вопросы, возникая и обостряясь, в совокупности приближают нарастание латентной социальной напряженности к тому критическому уровню, за которым происходит ее превращение в открытое противоборство между основными составляющими обществом социальными группами и складывающимся властным режимом. В ситуации парламентских и президентских выборов, когда "партия власти" все явственнее обнаруживает стремление с их помощью сохранить и укрепить устраивающий ее, но неприемлемый для большинства статус-кво, этот уровень угрожает резко повыситься и стать исходной основой самых разнообразных социальных конфликтов и потрясений.

Напряжения и конфликты в социально-политической сфере

Конфликтологический анализ показывает, что авторитарный сдвиг, используемый правящей политической элитой для обеспечения своих корпоративных интересов (которые не только не согласуются с интересами остальных социальных групп и слоев российского общества, но и во многом идут вразрез с последними), не предотвращает нарастания нестабильности и раздоров в политической сфере жизни общества, а содействует им. Больше того, он ведет к ослаблению национальной

безопасности в целом, поскольку сегодня уже очевидно, что национальная безопасность зависит не столько от накопленного военного потенциала, позволяющего противостоять внешнему врагу (как представлялось прежде), сколько от того, в какой мере своевременно и эффективно разрешаются социально-экономические, политико-правовые и другие противоречия, затрагивающие жизненно важные интересы и потребности личности, общества, государства. Можно обозначить ряд "конфликтоточек", в которых это выражено наиболее отчетливо.

Это прежде всего концентрация и "конфронтализация" власти. События последних лет продемонстрировали стремительную смену различных тенденций, парадигм устройства государственной власти, продиктованную расстановкой сил в текущем политическом противостоянии: от верховенства законодательной власти над исполнительной к их относительному равновесию и, наконец, к концентрации полномочий в руках главы исполнительной власти - президента и его аппарата.

Любая президентская система, как показывает мировой опыт, чревата конфликтами с представительной властью. Однако особенность нашей страны заключается в том, что общество не выработало механизмов смягчения этого противоборства, и потому конфликт развивался по классическому образцу его эскалации.

Наша конституционная система и прежде была несовершенна. Но в результате ее теперешнего насильственного преобразования мы получили (при отсутствии эффективных сдержек и противовесов) такой дисбаланс властей, при котором представительные органы, почти полностью безвластные, не могут контролировать основные социальные процессы. Единственный оставленный в их распоряжении рычаг - контроль за бюджетом (причем в виде его принятия или непринятия) для этой роли, разумеется, совершенно недостаточен. Даже деньги на свое содержание депутаты получают из хозяйственного управления президента, и все их обеспечение - помещения, машины, информационная техника и т.п. - находится в ведении президентских служб.

Это бессилие особенно проявилось в ситуации с Чечней. Обнаружилось, что парламент, формально предназначенный для выражения воли всего народа, какие бы декларации, заявления, предложения он ни выдвигал, совершенно не в состоянии повлиять на события. Декоративность полномочий Государственной Думы ярче всего выразилась в неспособности депутатского корпуса контролировать формирование внутри- и внешнеполитического курса страны, равно как и действия правительства, этот курс реализующего.

Такое ненормальное положение в самих представительных органах оборачивается постоянным стремлением как-то изменить его. Отсюда частые перегруппировки сил между фракциями и внутри них, оборачивающиеся не только непрерывными стычками радикально настроенных фракционеров с приверженцами и представителями нынешнего режима, но и нарастанием оппозиционности правительству и президенту даже со стороны весьма компромиссно настроенных центристских политических сил. Со своей стороны, президентская и правительственная команды, действуя поверх головы и вне контроля представительных органов общества, постоянно переживают кадровую чехарду, связанную с провалами в реализации политики, далеко не всегда понимаемой и принимаемой основными социальными слоями, группами и общностями.

Для конфликтоточного потенциала сложившейся ситуации характерно также то, что доминирование исполнительной власти, "подмявшей" под себя власть представительную, не только не ослабило уровень конфронтационности политической борьбы, но и существенно расширило ее. Нынешний этап кризиса государственности отличается тем, что линия противостояния проходит теперь не только через конфронтацию двух основных ветвей власти, но и через все политические и государственные органы и имеет своим содержанием конфликт между всеми социальными институтами и организованными структурами, представляющими определенные социально-экономические интересы в процессе распределения и использования собственности и политического влияния. При отсутствии

стремления, навыка и механизмов согласования этих интересов противостояние все отчетливее приобретает черты "войны всех против всех", развертывающейся в условиях отсутствия институциональной системы, способной взять на себя роль гаранта управляемости, устойчивости и национальной безопасности, и выступает признаком глубокого социального кризиса, постепенно развивающегося в сторону социальной катастрофы.

Формальная демонстрация властвующей элитой своего стремления к осуществлению и углублению консенсусных отношений при принятии политических решений, выразившаяся в организации подписания Договора об общественном согласии между властью, политическими партиями, общественными организациями и союзами, не в состоянии ни задержать, ни предотвратить этот процесс. Нежизнеспособность и неэффективность этого политического шага изначально predetermined именно тем, что полностью направлялась администрацией президента, а возможность рядовых участников как-то влиять на положение дел была, по существу, сведена к нулю. Практически это "влияние" ограничилось рамками участия в заседаниях Общественной палаты при президенте РФ и Согласительной комиссии, находящихся под контролем президентских структур. Поэтому договор выступил не средством разрешения острых политических конфликтов, а ширмой, прикрывающей стремление властвующей элиты легитимизировать свои корпоративные интересы.

Такая же роль отведена и акции президента по введению в состав Совета Безопасности руководителей обеих палат парламента, призванной придать обсуждаемым и принимаемым на Совете решениям видимость согласованности и коллективности. Соединение исполнительной и законодательной властей в одном органе во имя этой демонстрации консенсуса и сохранения стабильности в обществе есть не что иное, как нарушение Конституции РФ, провозгласившей принцип разделения властей. От этого, однако, политический стиль поведения правящей элиты не стал более консенсусным и демократичным, о чем свидетельствуют не формальные демонстрации, единства устремлений, а реальная политика продолжения курса "шоковой терапии", силовое решение конфликта в Чечне и другие конфронтационные действия.

Как следствие такого разрывания авторитарного сдвига, в обществе развивается тревожная в конфликтологическом отношении тенденция, которую выявляют данные социологических обследований, - нарастание степени критичности и разочарования значительной, если не основной, части населения по отношению к демократическим ценностям и к той власти, которая пришла к управлению после Августа-91. Все больше накапливается неудовлетворенность складывающейся формой правления, которая, как показывает практика, ведет не только к ослаблению государственной власти, усилению внутривластных раздоров, но и к растущей отчужденности со стороны общества. Даже среди убежденных ее приверженцев около 70% весьма низко оценивают степень реального демократизма нынешней политической системы и считают, что политические реформы идут недопустимо медленно.

Особую неудовлетворенность вызывает слабая репрезентация в принимаемых властью политических решениях интересов основных социальных групп, затрудняющая их обратную связь с властными структурами и возможность влиять на политический процесс.

По почти единодушному убеждению населения, власть в стране принадлежит весьма обособленной элите, на деятельность которой практически невозможно влиять. Наиболее тревожный момент, свидетельствующий о нарастании негативных тенденций в функционировании государственной власти, состоит в том, что (наряду с усиливающимися у всех социально-профессиональных групп и слоев ощущением беспомощности и малоэффективностиTM институционального и личного влияния на политические процессы) представители чиновничьего аппарата все больше чувствуют свою корпоративную самооценку и начинают доминировать в качестве социальной опоры и проводника осуществляемых политических решений и действий. Одним из

наиболее ярких свидетельств этого является широко распространенная и продолжающаяся распространяться практика так называемого "ведомственного управления" посредством в огромном количестве - до 35 тыс. в год - принимаемых президентскими, правительственными, министерскими, ведомственными структурами указов, постановлений и других нормативных документов. Именно растущая сила и власть аппарата, чиновно-номенклатурного сословия все больше осмысливается как основной результат и одновременно наиболее отчетливый показатель авторитарного перерождения власти, усиливающего отчуждение между нею и обществом. Усилению отчуждения и связанной с ним социальной напряженности способствуют характерные для авторитаризма предпочтение силовым методам политики и соответствующие действия силовых структур. Эти действия крайне неэффективны: они либо не содействуют улучшению благосостояния и безопасности основной массы населения, либо угрожают самому его существованию.

Как известно, в результате октябрьских событий "силовые министры" и подчиненные им ведомства были выведены из-под контроля не только представительной власти, но и премьер-министра и подчинены непосредственно президенту. Однако жизнь основной массы населения от этого безопаснее не стала. Наоборот, по официальным данным, если в конце 80-х - начале 90-х годов средние темпы роста криминальной преступности, как основной формы посягательства на безопасность и нравы населения, ежегодно возрастали на 4—5%, то в 1995 г. они возрастают на 25- 30%, а в целом ряде регионов (Москва, Тульская, Нижегородская, Омская и Иркутская области, Приморский край и др.) - и более. И это без учета того, что, по утверждению Криминологической ассоциации России, ежегодно в стране за пределами регистрации в правоохранительных органах остается 7-9 млн. криминальных деяний.

Неудивительно в свете этого, что по отношению к милиции у населения существуют не только устойчивая, но и растущая напряженность и неудовлетворенность ее деятельностью по охране общественной безопасности и порядка. При этом важно отметить, что люди не удовлетворены деятельностью милиции не только в профессиональном плане, но и в плане ее взаимоотношений с населением: милиция, в их восприятии, не только неэффективно выполняет свою функцию гаранта и защитника безопасности и прав граждан, но и сама часто выступает в качестве нарушителя этих прав (оскорбительное обращение с гражданами, применение мер физического и психологического насилия, вымогательство и т.д.). По официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, за последнее время имели место не только необоснованные задержания и аресты, но и "многочисленные избиения граждан" и даже "избыточное применение боевых средств", в результате чего имеются "человеческие жертвы". Эти нарушения почувствовали на себе около 100 тыс. граждан; более 6 тыс. из них были задержаны и содержались в изоляции без оформления каких-либо документов о взятии их под стражу.

Поэтому, естественно, растет недоверие населения к правоохранительным органам. Например, в Москве, согласно материалам социологических опросов, лишь 3,6% жителей рассчитывают в сложных ситуациях на помощь милиции и прокуратуры. В целом же лишь 46% от числа лиц, обратившихся в милицию за помощью, удовлетворены ее результатами. Характерно, что и правоохранительные органы не рассчитывают на помощь населения. Существенную роль в углублении и расширении взаимного недоверия сыграли чеченские события. Причем коснулось оно не только органов поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности граждан, но и другой структуры, широко используемой формирующимся авторитарным режимом в силовом воздействии на внутренние общественные процессы, - армии. Так, согласно социологическим опросам, число доверяющих армии сократилось с 55-60% в 1992 г. до 38-35% в 1994 г., а в 1995 г. не достигало и 30%. В то же время число лиц, не доверяющих армии, увеличилось с 12% в 1992 г. до 40% в 1994 г., а в 1995 г. перевалило за 50%.

Как показывает анализ, рост недоверия к обеим силовым структурам связан прежде всего с их участием в политических переворотах, карательных акциях, принудительных "мероприятиях", преследующих узкокорпоративные интересы.

Особенно тяжело превращение в орудие авторитарных силовых воздействий на общественные процессы сказывается на армейской массе, поскольку усиливает напряженность в ее взаимоотношениях не только с населением, но и с властными органами, с другими силовыми структурами, а также внутри нее самой. Социологические исследования показывают, что в разгар чеченской войны последнюю поддерживали лишь 8-12% военнослужащих, каждый десятый колебался в определениях, а 4/5 осуждали. Больше того, под влиянием событий в Чечне армия выставила оценку не только самой войне, но и развязавшей ее власти: экспертные данные свидетельствуют, что до 80% военнослужащих не питали доверия к президенту, правительству, парламенту и не собирались поддерживать на выборах никого из высших руководителей государства. Таким образом, пытаясь решать общественные проблемы силовыми методами, авторитарный режим восстановил против себя не только население, но и тех, чьими руками он эти методы реализует.

Больше того, режим расшатывал внутренний армейский порядок и дисциплину, деморализовывал и дезориентировал военнослужащих. Навязывание армии жандармско-полицейских функций в национальных регионах, особенно в Чечне, не только породило массовую оппозицию в армейской среде, но и впервые в истории российской армии привело к массовым отказам от выполнения приказов командования и воли политиков: с конца 1994 г. и за шесть месяцев 1995 г. среди "отказников" насчитывается полтора десятка генералов, несколько тысяч офицеров. Возникли и продолжали расширяться массовое дезертирство из армейских рядов и массовое уклонение от армейской службы. Можно утверждать, что отчуждение граждан от политической системы достигло гораздо большего уровня, чем было перед драматическими событиями конца 80-х - начала 90-х годов.

На этом фоне особенно тревожным выглядит отсутствие, по существу, эффективных механизмов преодоления нестабильности, достижения согласия в обществе. Так, одним из важных механизмов, опосредующих взаимоотношения гражданского общества и государства, наряду с разделением властей, является многопартийная система. Но сегодня у нас большинство партий являются пока что всего лишь группками людей, занятых борьбой за перераспределение власти и не представляющих какого-либо серьезного общественного слоя. В этом смысле наша партийная система находится все еще в зародышевом состоянии и не играет серьезной политической роли.

Не играют такой роли и профсоюзы. Исполнительной властью, президентскими указами существенно ограничена их роль в найме и увольнении, в социальном страховании и других привычных профсоюзных функциях. Поэтому они не могут выступать смягчающим социальные конфронтации инструментом. Неэффективно действует и судебная система, призванная защищать и обеспечивать гражданские права, и потому рядовой человек все еще не чувствует себя гражданином, а по-прежнему выступает, так сказать, подданным. Несмотря на то, что властвующие политики настойчиво его уверяют, что он наконец-то "глубоко дышит воздухом свободы".

Не появилось также действенной системы местного самоуправления, через которую население могло бы обеспечить реализацию своих насущных повседневных нужд в рамках декларируемых для него прав и свобод.

Чрезвычайно слабо включены в общеполитические процессы и разного рода общественные объединения. Сегодня известно около 33 тыс. таких объединений, в том числе около 2,5 тыс. зарегистрированных официально. Однако, если Конституция 1977 г., пусть декларативно, но провозглашала их участие в политической жизни, то в нынешней Конституции такого пункта даже формально не содержится. Неудивительно поэтому, что наряду с активно выражаемыми готовностью и желанием

большинства этих объединений (около 70%) участвовать в политических процессах, около половины выражают резкую неудовлетворенность взаимодействием с нынешними политическими структурами. Не устранил пока этой неудовлетворенности и принятый весной 1995 г. Закон "Об общественных объединениях", поскольку в нем отсутствует описание механизма подключения общественных организаций к активной политической деятельности.

Одним словом, человек в сложившейся системе общественных отношений оказался перед лицом многих напряжений и неудовлетворенностей, которые, по мере своего нарастания, все больше приобретают форму политических конфронтации и противоборств.

Тем не менее, правительство и президентские структуры все больше склонны убаюкивать себя тем, что население не стремится активно заниматься политическими проблемами и потому нет особых оснований для волнений по поводу вероятных массовых "эксцессов", а тем более по поводу возможного социального взрыва.

Действительно, характерной чертой развития политической ситуации в первые шесть месяцев 1995 г. явилось то, что "рядовые" граждане во "властных разборках", как кровавых, так и мирных, по сути дела, участия не принимали и массового, активного интереса к ним не проявляли. Другими словами, инициаторами и главными действующими лицами упомянутых выше конфликтов выступали практически исключительно представители российской элиты и ее различных групп. По имеющимся данным, россияне в своем большинстве пока не склонны и к активным формам протеста против несправедливых или неправильных, с их точки зрения, действий властей, причем абсолютно инертная их часть составляет, согласно существующим оценкам, не менее 30-50%, а доля готовых к решительным и активным политическим действиям не превышает 7-13%. И это как будто дает основание предполагать, что запас пресловутого "терпения", позволяющий до поры, до времени сдерживать взрывную разрядку конфликтных ситуаций, у них все еще велик.

Однако более внимательный анализ показывает, что дело обстоит значительно сложнее и тревожнее. Он выявляет два слоя мотивации и соответствующего ей поведения населения. Первый связан с очевидным отказом значительной части граждан активно участвовать в официальных политических акциях: митингах, демонстрациях, пикетах, выборах и т.п. Этот внешний мотивационный и поведенческий слой прежде всего и фиксируется имеющимися социологическими обследованиями. Но существует второй, более глубокий слой - сознательный выбор населением того или иного пути общественного развития, тех или иных смысло-жизненных ценностей и позиций. С учетом этого глубинного, латентного слоя наблюдающуюся внешнюю апатичность граждан во многом можно оценить как сознательный отказ от политической активности, как признание невозможности в конкретных политических условиях реализовать свои чаяния. Это как бы отложенное политическое поведение. Отчуждение от политики здесь обусловлено во многом или даже главным образом не тем, что граждане апатичны и не хотят ничего в политике делать, а выражает накопление неудовлетворенности и негативной политической энергии, взрывоопасной и разрушительной.

Выявление и учет глубинных латентных мотиваций политического поведения населения позволяет также адекватно понять, почему политическая элита, будучи инициатором действий по развязыванию и устранению политических конфликтов, в целом не может завоевать роль лидера общественного мнения и не в состоянии выполнить ориентирующую и проектирующую общественные процессы функцию: ей не позволяет сделать это как раз приверженность авторитаризму и силовым политическим действиям в стремлении обеспечить свои корпоративные интересы, отпугивающие основную массу населения и обуславливающие ее внешнюю апатичность и одновременно — стремительное нарастание пока еще во многом скрытого социального напряжения и недовольства.

Похоже, что это начали осознавать многие представители самой политической элиты. Во всяком случае ежемесячные опросы восьми различных групп российской элиты общей численностью 400 человек, проводимые с целью выяснить динамику ее отношения к некоторым важнейшим событиям политической жизни страны, свидетельствуют о том, что, несмотря на сохраняющуюся в сознании значительной части российского истеблишмента ориентацию на силовое разрешение политических конфликтов, в сознании элиты происходит все более заметная переоценка ценностей. Так, около 1/4 опрошенных, которые выступали сторонниками крутых силовых действий президента Ельцина в октябрьских событиях, затем, особенно после событий в Чечне, можно сказать, перешли из разряда "ястребов" в категорию "голубей" и все более склоняются к необходимости перехода к мирному, ненасильственному решению политических противоречий.

Изложенное позволяет с конфликтологической точки зрения оценить сложившуюся ситуацию, выявить некоторые наметившиеся общие тенденции развития политической сферы российского социума, определить основное содержание назревших в нем перемен и предложить определенные "технологические" меры по их реализации.

Суть перемен заключается в необходимости перехода от "временного авторитаризма", принесшего множество деструктивных для общественного развития напряжений и конфронтации, к "постоянной демократии" с ее последующим реальным углублением.

Чем в большей степени власти будут игнорировать эту необходимость, проявлять стремление к сохранению статус-кво и достижению лишь собственных корпоративных целей, тем более интенсивным станет рост недоверия по отношению к властям. Это недоверие и отчуждение способны привести к потере фактической легитимности властей при формальном юридическом праве, а затем перейти в фазу активного сопротивления им со всеми сопутствующими негативными последствиями.

Особую значимость в предотвращении подобной перспективы имеет отказ от силовых способов урегулирования и разрешения политических конфликтов. Опыт последних лет продемонстрировал, что применение силы чаще всего не имеет законного основания, ослабляет гражданский мир и согласие, усиливает потенциал вражды в обществе, особенно в условиях ухудшающегося экономического положения. Хотя на первое время как будто приходит "шоковое успокоение", устраняется одна из сторон и вроде бы борьба исчезает, на деле фундаментальные причины конфликта - а политические столкновения, как правило, имеют глубокие корни, - не исчезают, а загоняются внутрь. Основа для новых столкновений сохраняется. Использование силы во внутриполитической борьбе - всегда удар по демократии, особо опасный, когда она только-только зарождается. Возникают очаги новых политических конфликтов с применением силы. Например, силовое **подавление** политического конфликта в центре расширяет возможности разрастания конфликтов между центром и регионами, которые в свою очередь усиливают вероятность и опасность подключения к ним военных.

В этой связи первоочередной мерой представляется исключение из участия во внутриполитической жизни армии как наиболее опасной в конфликтогенном отношении силовой структуры. Сам по себе факт **превращения** армии в важнейшую гарантию стабильности режима, в **спасительную** силу в политических конфликтах, означает усиление принудительного начала в управлении обществом, поддержании общественного порядка. В результате применения армии во внутривластном конфликте политический режим претерпевает негативную трансформацию в сторону авторитаризма и диктатуры, усиливается роль военных во внутренней и внешней политике, в обществе развиваются страх Р1 подавленность, растет социальная напряженность.

Участие армии в политическом конфликте негативно сказывается Р1 на ней самой, особенно если ее действия приводят к большим кровопролитиям и разрушениям. После участия в кровавых политических разборках военные переживают тяжелый

моральный кризис, мучительное чувство ответственности за насилие над соотечественниками, подвергаются массированным атакам со стороны политических и общественных сил и движений.

Во избежание всего этого общество должно обеспечить недопущение военных в политические конфликты, исключить саму возможность использования армии какой-либо политической силой в своих эгоистических интересах против политических оппонентов, предотвратить опасность вступления военных в политические разборки. Это может быть достигнуто комплексом политических, правовых, организационно-административных, нравственно-воспитательных и собственно военных мер, к числу которых относятся, например, конституционное провозглашение гражданского мира и согласия в обществе высшей социальной ценностью, закрепление демократического принципа ненасильственного осуществления власти, исключение "армейского аргумента" как средства политической борьбы, запрещение партий, ассоциаций и объединений, равно как и идеологических концепций, ориентирующихся на насильственное изменение конституционного строя, разжигание вражды и ненависти в обществе и т.п. Способность мирно разрешать противоречия и конфликты в обществе, не допуская кровопролитий, должна стать важнейшим критерием оценки политических лидеров, групп и партий.

В демократических законах, регламентирующих роль и функции армии, равно как и других силовых структур, должны быть точно определены их место в политической сфере, обязанности государственных органов, партий и общественных организаций по отношению к ним, а также права и возможности влияния на них, прерогативы и функции различных государственных структур по управлению вооруженными силами, обстоятельства, ситуации, принципы и цели применения военной силы внутри государства, процедуры принятия политических решений на этот счет. Чтобы армия и другие силовые структуры были стабилизирующей силой в обществе, они должны быть вне партийных влияний, вне противоречий между теми или иными институтами, вне борьбы правящей партии и оппозиции, вне политических интриг.

В этих законах также должно быть закреплено, как это уже сделано в демократических государствах, право не исполнять преступные приказы; определено, какие приказы военнослужащий не только может, но и обязан не исполнять, а именно: по применению насилия против конституционных органов власти, по открытию огня против невооруженного мирного населения, против пленных и т.д.

В результате этих мер вооруженные силы станут гарантом гражданского мира в обществе, обеспечения военной безопасности всех государственных институтов, но прежде всего - безопасности жизни и деятельности граждан вместо того чтобы становиться в руках власти инструментом насилия над гражданами, государственными и общественными структурами.

Политико-экономические конфликты

Авторитарному сдвигу в политической сфере жизни российского общества в экономической его сфере соответствует стремление осуществить переход к рынку в номенклатурной форме, когда приоритетную возможность стать собственниками приобретают представители узкого слоя имеющих власть или капитал, полученный посредством перераспределения прежних партийно-государственных средств на государственно-должностной основе. Под прикрытием официально провозглашенного либерального лозунга "свободного рынка" для них искусственно создаются неравные стартовые и иные возможности эффективного участия в рыночных отношениях. Для других категорий граждан возможность приобщения к собственности ограничивается и крайне затрудняется. Тем самым государство не только искусственно тормозит демократические процессы в экономике, но и на этой почве создает предпосылки для роста массового недовольства и обострения социальной напряженности и конфронтации.

Следствием такой политики явилась парадоксальная ситуация, когда экономическая реформа, основу которой, по утверждению ее инициаторов и официальным заявлениям властей, должны составить широкое разгосударствление и массовая приватизация, проходит, по сути, без участия того самого "рядового", массового человека, в интересах которого она как будто проводится. А конечным результатом может быть только одно — восстановление традиционной для российского социального пространства биполярной структуры: небольшая группа обладающих властью и собственностью и основная масса нищего, полуннищего и бедного населения при фактическом отсутствии среднего класса.

Многие данные, указывающие на развертывание этой тенденции, достаточно хорошо известны. Прежде всего это проведенное государством обвальное обесценивание денежных вкладов населения, общая сумма которых в то время равнялась почти половине национального дохода страны. Далее, это государством же сдерживаемое с помощью налоговой (налоги забирают до 90% доходов) и кредитной (за кредиты требуют непомерную для начинающего предпринимателя отдачу) политики развитие мелкого и среднего бизнеса в промышленности и сельском хозяйстве страны. Наконец, это тем же государством, его политикой цен и политикой заработной платы предельно затрудняемая возможность для большинства граждан накопить в обозримое время достаточные денежные суммы для самим же государством разрешенного вложения их в землю, заводы, магазины и т.п.: в нынешней экономической ситуации средняя статистическая российская семья до 80% своих доходов тратит на питание и неотложные повседневные нужды.

Государство, таким образом, при его экономической политике выступает основным нарушителем неотъемлемых прав любого человека — права на собственность и права на достойное существование.

Особую тревогу (в связи с заключенным в нем конфликтогенным потенциалом) вызывает прогрессирующее обнищание все более значительной части трудящегося населения. Так, даже по официальным данным Министерства социальной защиты, доходы почти 45 млн. человек ниже прожиточного минимума. По самооценкам населения, полученным в социологических опросах, лишь у 30% хватает доходов на питание и одежду, тогда как у 45% — лишь на питание, а 20% на свои доходы вообще не могут себя прокормить. На эту прогрессирующую и вызывающую все более острое недовольство и нарастающее социальное напряжение жизненную трудность у работников бюджетной сферы (а таких около половины занятых) накладывается еще и постоянная задержка заработной платы, либо ее частичная или полная невыплата. На экономическом языке задержка или невыплата зарплаты за произведенный труд — не что иное как сверхэксплуатация, дополнительное выжимание прибыли из работника. В конце 1994 г. зарплату получали с задержкой на месяц, не полностью, либо вообще не получали почти $\frac{2}{3}$ сети работников государственных предприятий и организаций. С тех пор положение лучше не стало. Больше того, число вообще не получавших зарплату приблизилось к 20%. Появились признаки, что терпение трудящихся начинает иссякать: если около 50% опрошенных в конце 1994 г. полагали, что "жить трудно, но можно терпеть", и "только" $\frac{1}{3}$ считала, что "терпеть такое положение далее невозможно", то уже в 1995 г. число последних достигло почти 40%.

Усиливающиеся раздражение и нетерпимость основной массы трудящихся определяются и растущим разрывом между положением бедных и богатых: если в руках последних находится 46,3% общего по России денежного дохода (для сравнения: в США цифра составляет 44,6%), то на долю первых приходится лишь 5,3% этого дохода.

Данные обстоятельства не могут не влиять и на политическую обстановку в России и отношение к ней граждан. Не случайно как благоприятную в первой половине 1995 г. ее оценивали лишь 0,1% опрошенных, как спокойную — 1,7%; в то же время, как напряженную — 51%; как критическую, взрывоопасную — 42,6%.

Формирующееся авторитарное государство не только подвергает эксплуатации и

сверхэксплуатации в интересах извлечения из него прибыли и сверхприбыли непосредственный труд, но и оказывается постоянно причастным к эксплуатации стремления трудящихся принять участие в процессе приватизации, обрести собственность, завести свое "дело". Основной части населения государством было предложено приобщиться к собственности тремя способами:

1. Принять участие в чековой приватизации.

2. Вкладывать собственные денежные средства в различные акционерные общества открытого типа (АООТ).

3. Попробовать свои силы в предпринимательской деятельности.

Как известно, чековая приватизация не обеспечила сколько-нибудь существенного увеличения в доходах населения от вложенных ваучеров. В то же время она не повлекла за собой и реального участия людей в управлении приватизируемыми предприятиями. Таким образом, ваучерная кампания привела не к фактической реализации прав собственности большинством, как провозглашалось, а, наоборот, к ущемлению этих прав и, соответственно, к осознанию основной массой трудящихся своей ущемленности в сравнении с положением крупных собственников. В силу этого она не могла стать механизмом сглаживания и нейтрализации конфликта между бедностью и богатством, наемным трудом и капиталом, средством формирования и распространения нормальных рыночных отношений.

Не стало таким средством и вложение населением своих накоплений и сбережений в акционерные общества и банки. Наоборот, деятельность многих из них, серьезно дискредитировав имидж российского коммерсанта, превратилась в еще один дестабилизирующий фактор и мощный раздражитель для выражения недовольства граждан складывающейся в экономике обстановкой, ее стремительной криминализацией. Только в следственном управлении Москвы было принято к производству 20 уголовных дел о финансовых аферах акционерных обществ, инвестиционных компаний и банков с вкладами населения. Точное количество пострадавших от афер неизвестно, поскольку многими из этих коммерческих структур регистрационные документы уничтожены или спрятаны. Но несомненно, что исчисляется оно сотнями тысяч граждан.

Наконец, и массовое предпринимательство никак не может встать на ноги, получить подлинно масштабную правовую и организационную помощь государства. Напротив, наблюдается весьма интенсивное разорение малого и среднего бизнеса, примерно 1/3 представителей которого, по имеющейся статистике, благодаря навязанным экономическим "условиям игры", зачастую непреодолимым, с точки зрения нормальной организации предпринимательского дела, трудностям, уже испытала крупный или полный финансовый крах.

Казалось бы, вся совокупность экономических провалов и разочарований, усугубляющих тяготы и без того тяжелого материального положения большинства населения, должна была бы похоронить в его глазах привлекательность рыночных отношений, их перспектив. Однако данные опросов говорят о том, что это далеко не так. Население довольно трезво относится к оценке положения, складывающегося с осуществлением рыночной реформы и формированием экономических отношений.

Согласно данным, российское общество, по-видимому, уже прошло через этап укоренения в массовом сознании таких ключевых понятий рыночной экономики, как частная собственность, предпринимательство, конкуренция. Они прочно вошли в обиход и у подавляющего большинства не вызывают каких-либо конфликтогенных, способных дестабилизировать обстановку, реакций.

Для нынешнего этапа развития рыночных отношений в нашей стране характерны прежде всего противоречия, связанные с перераспределением собственности, формами и методами приватизации, в которых этот процесс находит свое выражение. Ожидаемые населением социальные последствия и перспективы находятся в фокусе общественного внимания, вызывая острую борьбу мнений. Они могут стать наиболее вероятным в ближайшем будущем источником возникновения острых конфликтных

ситуаций как выражение массового несогласия населения с экономическим курсом властей.

Здоровый реализм населения проявился в резкой критике тех форм, которые приняли наше предпринимательство и проводимая "сверху" приватизация государственной собственности. Абсолютное большинство опрошенных негативно оценивает и деловую среду, указывая на немалую долю социального паразитизма многих ее обитателей. Преобладает мнение о реальной перспективе мафиозного перерождения экономики в результате процесса передачи собственности (54,1% респондентов), а также о том, что единственной силой, способной этому противостоять, выступает не государство, поскольку чиновничество снизу доверху коррумпировано, а мощное профсоюзное движение, использующее для борьбы за требования и права трудящихся все легальные формы, вплоть до широкой политической забастовки.

Как считают эксперты, под действием подобных настроений нарастает новая волна забастовочного движения, связанного со всеми перечисленными негативными последствиями рыночной экономики, которые ощутили на себе, по существу, представители всех основных профессиональных групп трудящихся. По их оценке, эту волну будут отличать острые формы недовольства и борьбы, нарастающая массовость, сочетание протестных действий на предприятиях с акциями гражданского неповиновения в публичных местах, стремление к координации усилий представителей различных профессиональных групп, нагнетание широких политических требований. Статистика в целом подтверждает этот прогноз: так, в первом полугодии 1995 г. произошло около 1 тыс. забастовок и около 5 тыс. коллективных трудовых споров, что более чем в два раза превысило показатели аналогичного периода 1994 г. Значительная, если не большая, часть этих конфликтов не являлась стихийной, как прежде, а была организована профсоюзами, которые постепенно превращаются в субъект трудовых конфликтов. Например, крупные митинги и манифестации протестного характера, организованные Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР), состоялись 12 апреля и 1 мая 1995 г. В них, по разным данным, участвовало от 1,5 до 6 млн. человек.

По мнению экспертов, чтобы сбить нарастающий накал страстей и обеспечить более успешное и приемлемое для большинства трудящегося населения развитие экономической реформы, действительно необходимым становится переход к иной модели, свойственной современным развитым обществам - гибкому, построенному на партнерских отношениях механизму согласования разнообразных интересов, позволяющему "снимать" назревающие конфликты или выходить из них наименее разрушительным для общества образом. Становится очевидным, что без конструктивного общественного диалога (прежде всего между правительством, предпринимателями и профсоюзами), направленного на закладку основ механизма партнерского консенсуса, вряд ли удастся придать всему процессу преобразований в экономике долговременный и устойчивый характер.

В качестве возможного примера для подражания наибольший интерес, по оценкам экспертов, представляет чешский опыт в этой области, который базируется на традиционных социал-демократических достижениях довоенного периода. В отличие от других стран региона, бывшая Чехо-Словакия сразу стала закладывать вместе с созданием плана экономических реформ основы соответствующих правовых и институциональных принципов социальной политики.

В 1991 г. была внедрена система государственного гарантирования прожиточного минимума, приняты закон о прожиточном минимуме и сопутствующие ему правовые акты. Величина прожиточного минимума, согласно закону, устанавливается на основе категории населения, и в соответствии с нею определяются все минимальные выплаты. Минимальное пособие по безработице устанавливается на уровне прожиточного минимума, минимальная заработная плата - на 10% выше. Введена автоматическая индексация на основе повышения стоимости жизни. Если сейчас от $\frac{1}{4}$ до более чем $\frac{1}{3}$ населения стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы живет в зоне

бедности, то в Чехии в результате государственного гарантирования минимальных доходов при помощи пособий ниже официальной черты бедности опустилось лишь менее 3% населения. Почти $\frac{1}{5}$ доходов - это официальные выплаты. Относительная покупательная способность при средней заработной плате и доходах поддерживается на уровне 80-90% по сравнению с 1990 г. Уже в 1993 г. имел место прирост заработной платы. В результате жесткого контроля над ее динамикой и регулирования ее прироста средняя величина в государственном секторе превысила уровень в частном секторе.

Таким образом, была избрана оптимальная стратегия и тактика реформирования социальной сферы, системы распределения и перераспределения доходов. Успешной оказалась и принятая модель институционализации конфликтов. Ежегодно заключается трехстороннее соглашение между правительством, работодателями и профсоюзами, согласно которому каждый квартал рассчитывается прирост номинальной заработной платы и идет гибкое регулирование роста цен и заработной платы. Кроме частичного регулирования цен обеспечиваются низкий уровень инфляции, не превышающей 10%, небольшие масштабы безработицы, ее снижение до уровня менее 4%. И это в то время, когда другие страны региона имеют показатель 12—18%, а локально - на территориях с устаревшими крупными промышленными объектами, продуктами послевоенной индустриализации страны с упором на группу А и оборонные нужды - до 28-30%.

Не вызывает сомнения, что обеспечение реализации хотя бы близких к приведенным экономическим показателям существенно продвинуло бы российское общество в осуществлении рыночной реформы и снижении на ее основе сложившихся в экономике острых напряжений и противостояний.

Этнополитические конфликты

С практически-политической точки зрения особенно важно, чтобы в экспертном анализе разворачивающихся межнациональных конфликтов наличествовали не только отбор и оценка соответствующей фактологической и аналитической информации, но и способность извлечь из этой информации надлежащие уроки и предложить действенные рекомендации как местного, так и более широкого значения.

В этом отношении особенно богатую пищу дают чеченские события. Ибо они, несомненно, не только играют определяющую роль в этнополитических процессах как в рамках Российской Федерации, так и на всей территории бывшего Союза, но и высвечивают принципиальные подходы к национальной политике нынешних руководителей общества. Больше того, обнаруживается, что влияние на эти подходы сложившейся в Чечне кризисной ситуации, по мере ее продолжения, не только не ослабевает, но и все более усиливается и расширяется.

Совершенно ясно, что и до чеченского кризиса этнополитический фактор выступал одним из наиболее конфликтогенных по своей роли в общественно-политической жизни всех государств, образовавшихся после распада Союза, и что его проявления в конфронтационных, особенно в насильственных, формах составляли одно из основных препятствий для демократических преобразований и налаживания новых общественных отношений как внутри этих государств, так и между ними. Все постсоветские республики, за исключением Армении, представляют собой многоэтничные образования и фактически все они демонстрируют весьма высокую напряженность в отношениях между представителями различных национальностей. А в государствах Закавказья, Центральной Азии, в Молдавии и России произошли и открытые вооруженные межэтнические конфликты.

Однако, несмотря на сохранение "горячих точек" и весьма высокую вероятность возникновения новых, в переходный период, предшествовавшей чеченским событиям, появились и признаки некоторого улучшения общего положения. Они связаны

прежде всего с пережитыми или продолжающимися переживаться людьми, населением целых регионов (в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Северной Осетии, Абхазии и др.), трагедиями жертв и разрушений, тягот положения беженцев или вынужденных переселенцев и с явным политическим крахом причастных к ним сторонников насилия. Представлялось, что под влиянием всего этого все меньше останется желающих воевать рядовых граждан и все больше появится политических лидеров, понимающих необходимость улучшать правление и межэтнические отношения посредством взаимоприемлемых договоренностей вместо конфронтации и применения силы как средства политики. На путях политических переговоров и компромиссов многое стало достигаться лучше, надежнее и с меньшими затратами по сравнению с тем, когда делалась ставка на силовое решение проблем.

Начал накапливаться разносторонний опыт предотвращения и урегулирования конфликтов как на внутригосударственном, так и международном уровнях, использования для этого в миротворческих целях вооруженных сил, как, скажем, в Приднестровье, Северной Осетии, Абхазии. Соответственно усилилась нужда и в добротных аналитических разработках, квалифицированной экспертизе, ответственных практических рекомендациях и профессиональных действиях по предотвращению и разрешению межэтнических коллизий.

Чеченский кризис, с его отказом Федеральных властей от политического переговорного процесса, ориентированного на компромисс или консенсус, обозначил возврат от этой обнадеживающей тенденции к упованию на силовые методы решения общественных проблем и обеспечения политических интересов. И притом не просто возврат, а гипертрофию насилия, обусловленную надеждой достичь своих целей, парализуя волю противоборствующей стороны. Для этого, по замыслу, наносимый удар должен был быть столь силен, болезнен, обширен и жесток, что не мог не внушить ощущение не просто страха, а панического ужаса и безнадежности сопротивления. Отсюда - небывалые разрушения, нередко кажущиеся бессмысленными, небывалые жертвы, представляющиеся неоправданными, небывалое ожесточение, доводящее до аморализма и навсегда превращающее людей в нравственных инвалидов.

Настойчивость, размах и уровень применения насилия в Чечне представляются тем более несообразными, если принять во внимание, что "чеченскую революцию" осени 1991 г. поддержали (и продолжают поддерживать) многие влиятельные представители российской интеллектуальной и политической элиты. Больше того, можно утверждать, что в доктринальном плане "национальная независимость" Чечни была подготовлена и легитимизирована собственно российской идеологией и практикой тех лет, когда многим представителям центральной власти, включая самого президента Ельцина, наиболее простым и естественным путем осуществления социально-политических преобразований в национальных регионах виделся путь их суверенизации на этнической основе. Достаточно напомнить о популярном еще столь недавно призыве к ним «брать столько суверенитета, сколько можно "проглотить"».

Оценивая значение чеченского кризиса, приходится констатировать, что он знаменует собой поворот от развития отношений федерализма, обеспечиваемых с помощью политического переговорного процесса, вершиной которого явился договор с Татарстаном, ставший образцом для подготовки такого рода договоренностей и в ряде других национальных регионов страны, к восстановлению отношений унитаризма, традиционных для нашего исторического прошлого.

Кризис, собственно, и заключался прежде всего в том, что Центр, точнее, представляющие его интересы властвующая политическая элита и ее лидеры сочли дальнейшее распространение и укрепление федералистических принципов построения межнациональных отношений, означающее расширение права и свободы национальных регионов самим распоряжаться своими ресурсами и возможностями, не только не выгодным, но весьма опасным для себя по своим последствиям. И попытались оформить и реализовать свой отказ от них под лозунгом борьбы за целостность государства и сохранение в нем конституционного порядка.

Поставим важный для дальнейшего анализа вопрос: могло ли примененное в Чечне широкомасштабное вооруженное насилие разрешить трудности экономического, политического, психологического, этнокультурного порядка, которые были получены республикой в историческое наследство от прежнего режима, усугубившись к тому же обстоятельствами переходного периода? Преодолеть сложившуюся экономическую недоразвитость и обусловленную ею избыточность населения трудового возраста? Залечить вызванную сталинской депортацией психологическую травму? Даже вернуть пропавшие нефтедоллары, миллиарды рублей, полученных по фальшивым авизо, разграбленные вагоны и контейнеры? А тем более возратить населению утраченный гражданский мир? Не говоря уже о росте благосостояния, о котором ему до сих пор по большей части приходилось лишь мечтать?

Ответ, как представляется, может быть только отрицательным. Больше того, наблюдение над происходящими в настоящее время в Чечне событиями позволяет с уверенностью констатировать, что продолжающееся применение там вооруженного насилия в широких масштабах не только не разрешает внутренние трудности, а еще и усугубляет их и добавляет новые. Вместе с тем эти события обостряют и порождают разного рода коллизии на всей территории Российской Федерации и за ее пределами, оказывая деструктивное влияние и на общемировые процессы. Проблема Чечни, таким образом, превратилась в общероссийскую проблему, а в определенном смысле - и в проблему глобального масштаба.

В общероссийском масштабе влияние чеченских событий сказывается в трех основных аспектах - нравственно-правовом, экономическом и этнополитическом.

Связанные с широкомасштабными военными операциями по "разоружению незаконных вооруженных формирований" многочисленные нарушения общепризнанных прав человека (прежде всего на жизнь, жилье и имущество), выражающиеся в огромных разрушениях и жертвах среди мирного населения, а также отсутствие достаточных нравственных оснований для них и вообще для применения военной силы ставит сложные проблемы этического и правового характера не только для солдат и офицеров, воюющих в Чечне, но и перед призывающимися на военную службу по всей России, а значит - перед всеми российскими гражданами. Проявлениями их отношения к этим проблемам выступают: негативная оценка чеченской бойни, фиксируемая многочисленными социологическими опросами общественного мнения; дезертирство из рядов воюющих в Чечне подразделений; движение солдатских матерей против бессмысленной гибели их детей; давление населения на политиков, особенно местных, с целью предотвратить посылку формируемых в регионе воинских частей в районы военных действий.

Влияние чеченских событий на российскую экономику выражается прежде всего в бюджетных затратах на войну и на восстановление разрушенного в результате военных действий. И те, и другие лавинообразно нарастают по мере продолжения вооруженного насилия и грозят "похоронить" российский бюджет.

Влияние чеченских событий на общероссийские этнополитические процессы лучше всего проступает в высказываниях и оценках национальных политических лидеров и публицистов. Преобладающий лейтмотив этих оценок выразил один из участников организованной в январе 1995 г. в связи с чеченским кризисом встречи в Чебоксарах ряда республиканских руководителей и членов Комитета "Согласие ради Отечества" - председатель правительства Республики Карелия В.Н. Степанов. Возражая против раздававшихся обвинений в сепаратистской направленности этой встречи, он подчеркнул: "...мы заботимся о территориальной целостности России, об ее укреплении и развитии, но не на пути к унитарному государству, к палочной дисциплине, к конституционной монархии, к чему некоторые деятели не только призывают вернуться, но и уже готовятся, не спросив мнения народа. Это путь назад. Путь вперед - только на рельсах федерализма".

Примененное Центром в Чечне широкомасштабное насилие, явно преследовавшее в качестве одной из политических целей обеспечение условий для сдерживания

национальных регионов в их сепаратистских устремлениях и сохранения на этой основе единства и целостности государства, оказало серьезное воздействие на поведение электората и местных национальных элит в таком важном, играющем долговременную роль политическом процессе, как выборы республиканских органов власти. Но это влияние оказалось прямо противоположным тому, на которое надеялся Центр. Угроза тиражирования насилия со стороны Центра по отношению к стремящимся так или иначе проявить и реализовать свою самостоятельность регионам, и притом в столь гипертрофированной форме, как это проявляется в Чечне, побудило национальные политические элиты использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, вплоть до не слишком чистоплотных, а то и вовсе противозаконных, чтобы консолидироваться и укрепить свое положение. При этом сепаратистские настроения не только не ослабели, но и существенно усилились.

Тем самым существенно замедлились, затормозились и претерпели заметные ограничения в своем влиянии тенденции демократизации этнополитических процессов, проводниками которых выступают федералистски ориентированные политические партии и общественные движения. Это нашло выражение в том, что на место отстаиваемой ими в регионах возможности различных политических сил выразить и соотнести свои интересы как между собой, так и с интересами Центра посредством переговорного процесса и демократических состязательных процедур, стимулирующих гражданскую активность населения и формирование правового государства, заступило стремление навязать и защитить эти интересы силой, свойственное авторитарному и тоталитарному режимам организации политической жизни.

Насилие, возникшее в Чечне, начало, таким образом, кругами расходиться по регионам. И притом не только в рамках Российской Федерации, но, как показывают события в Казахстане, Крыму, Азербайджане, и за ее пределами. И вряд ли можно сомневаться в том, что это распространение не только усложнит жизнь самой центральной власти, но и значительно ослабит ее посредством усиления недоверия и враждебности к ней на местах.

При анализе событий в Чечне наряду с геополитическими, экономическими, историческими, военными, правовыми аспектами пристального внимания заслуживает оценка социально-политических компонентов общественного сознания и социальной деятельности людей. Ибо приходится признать, что недостаточный их учет, а отчасти игнорирование серьезно усугубили и осложнили ход разворачивания, а затем и разрешения чеченского кризиса. Так, власти, по существу, пренебрегли социологическими данными, которые неоднократно свидетельствовали, что все формы обострения межнациональных и политических отношений население предпочитает и предполагает решать мирными средствами, а за военные методы ратуют только 5-8%. Исследования, проведенные ИСПИ РАН в январе 1994 г. показали, что большинство как русских, так и чеченцев было ориентировано на мирное урегулирование проблем межэтнических взаимоотношений. Лишь 5% населения России придерживалось мнения о сохранении Чечни в составе России при помощи военной силы.

Всероссийские исследования в ноябре 1994 г. показали, что около $\frac{2}{3}$ населения отвергают насильственные методы решения проблемы, в то же время никак не отрицая необходимости бороться с дудаевщиной и мафиозными структурами Чечни. Иначе говоря, было полностью не учтено нежелание населения решать признаваемую ими же острую актуальную проблему - сохранение России - насильственными методами.

Не получило должного внимания и то обстоятельство, что общественное мнение отказалось и до последнего времени отказывается признать приемлемой и оправдываемой войну внутри страны. В результате армия оказалась под влиянием мощного давления из-за непопулярности военных акций, что привело к дальнейшей эскалации критики ее действий не только населением, но и внутри самой армии. Помимо того, что в необходимости такой акции не было убеждено большинство народа, не нашел должного учета и тот факт, что ее не поддерживали почти все политические партии,

многие хозяйственные руководители и немалая часть государственного аппарата.

Наконец, власть должно было насторожить резкое снижение рейтинга всех политиков, выступающих за военное решение чеченского вопроса.

Общественное мнение не отказалось от своего неприятия силовых методов решения проблем. Более того, оно окрепло в результате противоречивых и невразумительных акций против СМИ. За последнее время мобилизовались общественные движения, политические партии. Раскололись многие государственные структуры, среди которых наибольшую важность представляют те, куда входили ряд региональных лидеров и часть генералитета, чья позиция имела вес. Так что можно утверждать, что отказ общественного мнения от поддержки президентских и правительственных акций существенным образом повлиял и продолжает влиять на исход самой чеченской войны.

Опираясь на этот вывод и подводя итог предпринятому экспертному анализу, можно заключить: при любом варианте развития событий в Чечне успех будет иметь лишь та политика, которая учитывает жизненные интересы и устремления вовлеченных в них народов (как русского, так и чеченского), независимо от того, нравятся или не нравятся эти интересы и устремления людям, принимающим ответственные политические решения. Это заключение можно распространить в целом и на все другие общественные процессы и отношения, рассмотренные выше.

Инициаторы "экспертизы" приглашают к сотрудничеству заинтересованных исследователей и экспертов. Наш адрес: *117259, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 413-414, Центр конфликтологии, тел. (095) 128-86-64.*